

ДИСКУССИИ

КАК МЫ ПОНИМАЕМ РУССКУЮ ФИЛОСОФИЮ*

А.А. Гусейнов

О ТОЖДЕСТВЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФИИ В РОССИИ

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович – доктор философских наук, академик РАН, врио директора. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: guseynovck@mail.ru

Основная мысль статьи заключается в том, что понятия «русская философия» и «философия в России» суть одно и то же. Само разграничение последних связывается с особенностями исторического развития отечественной философии, становление которой совпало с европейским поворотом в развитии российского государства, осуществленным в процессе реформ Петра Великого. Оно было оправдано на начальном этапе и потеряло смысл с обретением русской философией к концу XIX в. своей самостоятельности, появлением в ней оригинальных национально ориентированных философских учений. Показано, что специфика философии как рода знания и одновременно как формы общественного сознания порождает многообразие ее конкретных воплощений, единственное в своем роде тождество истории и теории. Делается вывод, что понятие русской философии нельзя сводить к истории русской философии как особому исследовательскому направлению и учебному предмету в рамках предметного поля профессиональной философии. Ставится вопрос о специфике национальной философии как ее особом виде.

Ключевые слова: русская философия, философия в России, западники и славянофилы, предмет философии, национальная философия

Для цитирования: *Гусейнов А.А.* О тождестве русской философии и философии в России // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 5–16.

1. Хочу оттолкнуться от самой формулировки темы, предложенной для обсуждения. Оттолкнуться для того, чтобы принять ее. В вопросе речь идет о нашем понимании (взглядах, суждениях) русской философии, а не о самой

* Статьи, включенные в настоящую рубрику, были подготовлены на основе докладов, прочитанных в рамках дискуссии «Как мы понимаем русскую философию» на Всемирном дне философии 17 ноября 2022 г. в Институте философии РАН.

русской философии. Это – очень важное различие, которое не только допускает, но и предполагает наличие разных взглядов на обсуждаемый предмет. Ни у кого нет привилегированного права говорить от имени русской философии, в том числе и даже в особенности у тех, которые в рамках устоявшегося институционального разделения труда числятся специалистами по русской философии. Более того, даже сам взгляд изнутри самой русской философии нельзя считать предпочтительным для понимания последней, подобно тому, как мы не судим о человеке на основании того, что он сам думает о себе. С этой точки зрения интересен (во всяком случае, необходимо принимать во внимание) также взгляд на русскую философию со стороны других национальных философских традиций. В конце 90-х гг. прошлого века я, впервые оказавшись в Париже, попал в знаменитый огромный философский книжный магазин Ж. Врина на площади Сорбонны и не нашел ни одного русского автора. Таким же шоком для меня стал появившийся в начале 90-х гг. немецкий библио-биографический словарь современной философии, включавший более ста имен философов XX в., в котором не было ни одного из нашей страны¹.

Вопросы: как мы понимаем русскую философию и что такое русская философия – не одно и то же, хотя они и связаны друг с другом. Если в первом случае речь идет о наших суждениях, то во втором – о самой реальности, которая отражается в этих суждениях с разной степенью полноты и точности, часто односторонне, нередко карикатурно. Можно, конечно, перебирать разные подходы и определения русской философии, подвергать их критике, сравнивать между собой, чтобы дойти до истины, но этот путь мало перспективный или вовсе бесперспективный. Более надежно двигаться в обратном направлении и, совершив экспликацию понятия, прямо обратиться к реальности русской философии, т.е. к самому действительному предмету, по поводу которого (для познания которого) все эти определения и подходы существуют.

Случай русской философии оказывается тождественным случаю философии вообще: когда задается вопрос о том, что такое философия, все приступают к делу так, как если бы речь шла об одном и том же известном им предмете, но, как показывает опыт, все они говорят разное. И то, что они говорят разное, это как раз схватывает или, лучше сказать, создает единство самого предмета. Гегель говорил, что определение предмета философии не предваряет ее познание, а завершает: его афоризм о Сове Минервы, вылетающей только в сумерки, – не только о том, как философия относится к жизни, но и о самосознании философа, его диспозиции по отношению к собственному философскому творчеству. Философы, конечно, знают, о чем они говорят и пишут, но они не знают, что у них (и у каждого в отдельности, и тем более у всех вместе) в итоге получается. К русской философии и к русским философам это также в полной мере относится.

2. Различие между самой русской философией и тем или иным ее пониманием подводит к сопоставлению двух понятий: русская (= российская) философия и философия в России. Если отталкиваться от значений последних в живой речи современного образованного носителя русского языка, они тождественны, обозначают одно и то же, а именно, философию, как она представлена в России, в том ее конкретном, эмпирически многообразном виде, в каком она сложилась и существует, обозначаясь (именуясь) словом

¹ Philosophie der Gegenwart in Einzeldarstellungen von Adorno bis v. Wright. Stuttgart, 1991.

«философия» в пространстве русского языка, истории и культуры. Мы можем не знать, что она в своей полноте представляет, но мы знаем, что она существует. У нас может не быть понятия философии, но мы знаем имена каких-то философов (Платона, Канта, Гегеля, Чаадаева, Соловьева, Лосева, Мамардашвили, Зиновьева и др.), слышали о философских школах (идеалистах, материалистах, славянофилах, западниках, махистах, толстовцах и др.), изучали такой предмет в университетах, встречали людей, склонных к философствованию, в книжных магазинах видели разделы книг по философии, и т.д., словом, современный человек так или иначе сталкивался с предметом под таким названием, хотя у него, как правило, нет о нем какого-то ясного и точного знания. Мне в этой связи вспоминается речь на юбилее декана философского факультета, которую произнес один его коллега из другого департамента. Он сказал примерно следующее: я никогда не мог понять, что такое философия и зачем она нужна, чем философы занимаются, но я точно знаю и уверен, что они, это занятие и эти люди, в обществе должны существовать. Думаю, большинство людей в сегодняшней России согласилось бы, по крайней мере, с первой частью этого парадоксального утверждения, что они знают о существовании в нашем обществе такого феномена, как философия, хотя и не могут сказать, что она такое и для чего предназначена. Для этого в культуре существуют особые люди, которые заведуют философией, считаются в этом деле специалистами.

Философию как общезначимый феномен, форму общественного сознания следует отличать от профессиональной философии, философии как особого занятия в рамках существующего (сложившегося) в обществе разделения труда. Одно дело – философия как жизненная мудрость, здравый смысл, как часть общего образования, в этом качестве она является элементом полноценного интеллектуального развития каждого человека. Другое дело – профессиональная философия как особое дело особых людей (специалистов), некая корпорация в рамках духовного производства, к тому же очень маленькая по сравнению, например, со священнослужителями или артистами. Эти два аспекта (два уровня, два измерения) философии связаны между собой и само появление профессиональной философии (философии как социального института, особого занятия, «цеха») знаменует новое качество, некий перелом в мировоззрении общества.

Профессиональная философия призвана помочь человеку и обществу выработать понимание философии как их (данного человека и данного общества) самосознания. В силу особого (изначального, обобщающего, интегрирующего, нравственно обязывающего) места философии в пространстве мысли, в силу взятой ею на саму себя задачи проложить путь к мудрости, философское знание неизбежно оборачивается индивидуальными жизненными программами – жизненными программами самих философов (философов не как бранных индивидов, а философов как общественных индивидов, субъектов, духовных личностей, носителей своей особой философски конкретной жизненной программы). Отсюда – принципиальная многозначность философии, многозначность как выражение ее стремления (нацеленности) на несомненную (однозначную, абсолютную) истину. К примеру, Кант и Гегель предлагали разные философские программы, но и тот и другой были убеждены в несомненной и исключительной истинности того, что они предлагали. То же самое можно сказать о философских мировоззрениях Льва Толстого и Владимира Соловьева. Эти многообразные понимания

философии, представляющие собой каждый раз целостные учения, системы, часто переходящие в интеллектуальные традиции, призванные каждый раз дать нам ответ на вопрос, что действительно представляет собой, чем реально является философия, сами становятся частью этой реальности. Это противоречие между научностью (объективностью) философского знания и его принципиальной субъектностью, вмонтированной в само его объективное содержание, к тому же вмонтированное в качестве несущей конструкции, составляет единственную в своем роде особенность предмета философии, которая не только стремится теоретически осмыслить мир в его целостном охвате, но и одновременно рассказать о лучшем образе жизни, а также особую (тоже единственную) ценность философии в действительности, которую, как заметил Б. Рассел, «во многом необходимо искать в самой ее недостоверности»². Философия по своему существу и в своем нормальном варианте всегда плюралистична и в этом смысле всегда неточна, вариативна, существует во множественном числе. Она такова не просто и не только как совокупность различных персонально выраженных взглядов (учений, систем, традиций), равно претендующих на истинность, она плюралистична и как реально существующая (бытующая) форма общественного сознания. Это относится к философии, где бы и как бы она ни была явлена, кто бы ни был ее субъектом (мир в целом, отдельные цивилизации, страны, народы, группы людей, конкретные личности), всюду, где человеческое мышление заявляет претензию на то, чтобы опираться на свои собственные твердые основания, дойти до своего начала, чистых истоков разума. Принципиальная многозначность философской мысли становится наиболее очевидной в случае ее национальных форм. В этом отношении очень ценен опыт русской философии; историческая судьба сложилась так, что она не успела еще вывести русский ум из теологического плена, как сразу пришлось иметь дело с жестоким пленом государственной идеологии, и до сих пор перед ней маячат оба этих призрака.

3. В предметном поле философии, как известно, особое место занимает история философии. Она в известном смысле равняется самой философии, является ее синонимом. Неслучайно появление в последнее время двух разных книг разных авторов (академика Т.И. Ойзермана и профессора В.В. Соколова) под одинаковым названием: «Философия как история философии». Это название – не просто обозначение книг, оно еще выражает понимание предмета. В такой постановке вопроса, по крайней мере, есть та очевидность, что понятия «философия» и «история философии», соответственно, «русская философия» и «история русской философии» по объему (= фактическому содержанию) совпадают. Различие состоит в том, что в одном случае это содержание рассматривается систематически, а во втором – исторически. В нашем Институте есть отдельный (специализированный) сектор истории русской философии. Наряду с ним существует множество других секторов, изучающих отдельные аспекты (эпистемология, этика, философия науки и др.) той же философии, как они представлены и понимаются в нашей стране, в России. Ведь сектор русской философии изучает не то или иное понимание философии, не ту или иную эпоху, не тех или иных мыслителей, не тех только, кто высоко оценивал русскую философию, но и тех, кто относился к ней нигилистически, не тот или иной аспект философии,

² Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000. С. 272.

а ее всю, словом, история русской философии как особый сектор (кафедра) охватывает все, чем занимаются в других секторах, но только под определенным (именно историческим) углом зрения, устанавливая связь рассматриваемого философского предмета (имени, проблемы, школы, дискуссии, произведения и т.д.) с соответствующей эпохой, ее важнейшими политическими и культурными событиями, испытанными влияниями, перипетиями личных судеб и т.п., словом со всем тем, что позволяет воспроизвести соответствующий предмет в его многообразных воздействиях и живой эмпирической плоти. В рамках (сектора, кафедры) истории русской философии как исследовательского направления больше истории, чем собственно философии. Оставим в стороне вопрос о том, как сектор (кафедра) русской философии соотносится с предметным полем других историко-философских подразделений, хотя и здесь можно наблюдать многозначительные перекрещивания (в качестве показательного примера можно назвать замечательную серию трудов нашего Института «Гегель в России», «Лейбниц в России», «Шеллинг в России» и др., показывающих, что выдающиеся зарубежные философы, попав на русскую почву, приобретают свою специфику, и русский Гегель, например, отличается от самого себя в родном немецком облике, не говоря уже о его французском или англо-саксонском образе).

4. Понятие русской философии иногда употребляется в значении национально аутентичной (подлинной) философии в отличие от чужеродной (заимствованной, навязанной) философии. Этот мотив, вновь оживший в последнее время в контексте злобных нападок и доносов на нас, наш Институт философии РАН, всегда присутствовал в отечественном философском самосознании. Еще в конце прошлого века некоторыми авторами из отечественной философской среды высказывалось мнение о необходимости развести понятия советской философии, закрепив его за приверженцами партийного философского официоза, и понятие философии в Советском Союзе для обозначения творчества философствующих полудиссидентов, которые «вынужденно» состояли в КПСС и в отличие от первых только прикрывались марксистской риторикой. Это различие связано с действительной особенностью развития философии в России.

В очерке «История русской философии» В.В. Зеньковского мы читаем: «Некоторые исследователи предпочитают говорить не о “русской философии”, а о “философии в России”, желая этим выразить ту мысль, что в русских философских построениях нет ничего “специфически русского”, что русская философия не стала еще национальной, т.е. не поднялась до раскрытия и выражения основных исканий русской души»³. Считается (по крайней мере, часто говорится), что Россия довольно поздно встала на путь философского, т.е. рационально обоснованного, осмысления самой себя, считая критерием философии появление профессиональной философии как относительно самостоятельного (обособившегося от богословия, художественного творчества, устного народного творчества) аспекта духовного производства, возвышающего разумность в качестве специфического признака человека. Слово «поздно» в данном случае, на мой взгляд, является неуместным. Если рассматривать, как складывалась история самой страны, развитие ее государственности и культуры народа, то философия в России появляется в самое нужное время. Ее возникновение совпало с историческим

³ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 25.

рывком – петровскими реформами, резко и одновременно развернувшими всю политическую и культурную жизнь народа в сторону Западной Европы. И сам этот рационально продуманный поворот, сознательно нацеленный, хотя, на первый взгляд, и исключительно самовольный, выбор царя-реформатора, лучше, чем что-либо иное, доказывает, что страна поднялась до уровня философского осмысления самой себя. Так исторически сложилось, что тогда, когда Россия начинала свое философское развитие, Западная Европа уже имела развитую философию. Россия тем самым получила возможность приобщиться не только к техническим достижениям Запада, но и к его философским богатствам. Русской сове можно было не ждать своих сумерек, она уже на заре увидела, как ее собратья носятся по небу, и в подражание им сама решила взлететь. Словом, начинающая русская философия оказалась под сильным западным влиянием. Она к тому же сразу получила благоприятное пространство для своего развития в виде задуманной Лейбницем и реализованной Петром Великим 300 лет назад Санкт-Петербургской академии наук и художеств: хотя сама академия долгое время не имела философского отделения, которое появляется только в XX в., но сама ее акцентированная ориентация на свободу исследований и доказательную науку задавала философии новоевропейский вектор. В первом десанте из 17 зарубежных ученых, которые и составили эту академию, семь человек были философами, список ее иностранных членов возглавил Христиан Вольф, и в последующем среди них оказалось много известных философов (Вольтер, Дидро, Гольбах, Кант и др.).

Ориентация на европейские философско-интеллектуальные стандарты несомненно способствовала ускоренному умственному развитию России. Но одновременно это стало проблемой. Встал вопрос о том, идет ли речь о заимствовании, обогащении отечественного умственного багажа или о подражании, о бездумном обезьянничании, о том, не теряем ли мы с бородой также и русскую душу. Вопрос об отношении к западной философии расширился до отношения к Западу, трансформировался в вопрос о русской национальной самобытности. Не изучение европейской философии, а отношение к самой Европе, ее образу жизни и ценностям – вот что стало проблемой для русской философской мысли, точкой напряжения и одной из центральных (если не центральной) проблемой ее развития. Она приобрела зрелую форму как противостояние славянофилов и западников. Надо сразу заметить: здесь сказалось само понимание философии как живого действенного мировоззрения, а не просто и не только как совокупности абстрактных идей, интеллектуальных схем и познавательных методов. За ним стояло убеждение, которое можно было бы сформулировать следующим образом: занимаясь философией, мы не можем не воспарять в абстрактные выси, но, воспаряя туда, мы говорим не о пустых и далеких абстракциях, а о самых что ни на есть сокровенных и близких вещах. Герцен в своей Вольной русской типографии в 1858 г. издал в одном томе два сочинения: «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева»⁴, которые представляли два поляр-

⁴ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева. М., 1983. Свое предисловие Герцен предваряет остроумным, но, видимо, не лишенным, по его мнению, глубины эпиграфом французского посла Карберона: «После этого спросят меня, как же управляется эта страна и на чем она держится?»

ных взгляда на Россию времен Екатерины II. Их взоры были направлены в разные стороны: князь Щербатов представлял консервативное воззрение и, как пишет Герцен, смотрел назад, в ту дверь, из которой вышел Петр I, а близкий ему Радищев смотрит вперед, «его идеалы были так же высоко в небе, как идеалы Щербатова – глубоко в могиле»⁵.

5. Характеризуя обозначившийся в отечественной философии с самого ее начала мировоззренческий раскол, Э.Л. Радлов в «Очерке истории русской философии» 1912 г. пишет: «От Ломоносова до настоящего времени следует различать два направления: одно, представляющее только отражение западных течений мысли, другое более национальное»⁶. В этой характеристике ключевыми являются слова: «только» и «более». Критерием, в силу которого складывались противоположные мировоззренческие лагеря в философии, было отношение к западным течениям, но не в том смысле, что западники ценили их, а славянофилы игнорировали. Нет, их ценили и те, и другие. Различие состояло в том, что первые ценили *только* их, а вторые *не ограничивались* ими.

Сам этот идейный водораздел был характерен для начального этапа, когда русская философия еще не выработала свои оригинальные учения и системы, не выработала своего национального видения философии, не связала свое понимание философии с русской идеей – «самым важным из всех для русского» вопросом «о смысле существования России во всемирной истории»⁷. Но тогда, когда отечественная философия поднялась до своего собственного понимания философии и смогла предложить его миру в виде целостных оригинальных систем и учений, это противостояние уже не отражало реальной идейной ситуации и потеряло свое общественное значение. Наверно, трудно обозначить год и произведение, когда родилась русская философия, может, далекие потомки смогут назвать русского Фалеса и русскую «Метафизику», но можно уверенно сказать, что это случилось в конце XIX и начале XX вв. Например, такие, несомненно, самобытные и по всем ключевым для них вопросам полярные философские учения, как учения Владимира Соловьева и Льва Толстого, уже нельзя развести по рубрикам славянофильства и западничества. Оба они – русские мыслители, в их русскости никто не сомневается, более того, они суть лица, которые сами во многом определяют, что означает быть русским. И оба они хорошо знали европейскую мысль, находились с ней в плодотворном диалоге, оба как индивиды были приобщены к западной культуре. Еще более показательным примером является марксизм, который сложился в европейской традиции, является типичным продуктом Запада, но, пересаженный на русскую почву, он преобразился, обогатился и в новой форме советского марксизма (диалектического материализма) стал важной вехой русской философии. Именно в этом качестве – как составная часть русской философии – он признан в мире (кстати, в отличие от некоторых профессиональных историков русской философии, которые иногда не находят ей места в своих обобщающих компендиумах).

Управляется она случаем и держится на естественном равновесии – подобно огромным глыбам, которые сплочает собственный вес» (Там же. С. V).

⁵ Там же. С. VI.

⁶ Радлов Э.Л. Очерки истории русской философии. М., 2008. С. 7.

⁷ Соловьев В. Русская идея. М., 1911. С. 3.

Этот, казалось бы, исторически преодоленный и тем самым уже решенный вопрос об отношении к западным философским влияниям вновь поднимается некоторыми представителями ура-патриотических кругов, которые сам факт философского интереса к западным идеям, авторам и произведениям рассматривают как своего рода интеллектуальную франшизу. Те, кто рассматривает национальную самобытность русской философии как отказ от идейных влияний, идущих с Запада, на самом деле спекулируют с обострившимся в настоящее время геополитическим и военно-политическим противостоянием между Россией и странами, объединенными в военно-политический блок НАТО во главе с США. Они возвращают нас, нашу интеллектуальную жизнь на столетия назад. Возвращают назад как раз тогда, когда русская философия, давно преодолев «детскую болезнь» западнизма и, развиваясь на своих собственных основаниях, находится в режиме свободной философской мысли. Более того, отечественная философия, во всяком случае, в той мере, в какой она представлена в нашем Институте философии РАН, уже активно расширяет источники своего интеллектуального обогащения и ищет их также в недрах незападных философий (индийской, китайской, арабо-мусульманской, еврейской, японской). Хотел бы заметить, что авторы звучавших в последнее время злобных нападок и идеологических доносов на наш Институт, упрекая нас в мнимом преклонении перед Западом, бесстыдно не замечают ни наших научных подразделений, изучающих западные философские традиции, ни соответствующей нашей научной продукции, в том числе таких обобщающих трудов, как «Индийская философия», «Философия буддизма», учебного комплекса по арабо-мусульманской философии.

Мысль моя простая и, честно признаться, нам, имеющим за собой такие великие философские европейски образованные имена, как И.В. Киреевский, Н.Г. Чернышевский, В.С. Соловьев, Л. Шестов, А.А. Богданов, М.М. Бахтин и др., даже стыдно повторять ее. Апелляция или даже опора на западных авторов и труды никак не может считаться признаком, свидетельствующим о слабой мере или отсутствии идейной оригинальности и еще меньше о непатриотичности философских учений и их авторов. Сошлось еще на два ярких примера современных, несомненно русских и несомненно выдающихся философов – А.Ф. Лосева и В.В. Бибихина, которые создали свои собственные оригинальные философии, работая первый – с античным наследием и европейским Возрождением, а второй – с творчеством самых что ни на есть западных авторов: Витгенштейна, Хайдеггера, Х. Арендт.

б. Философия представляет собой род рационального знания, в пространстве идеального она ближе к науке, чем к теологии. Она включает в свой предмет весь мир, охватываемый (выделяемый) и тем самым очерчиваемый (ограничиваемый) человеческим умом. Ее понятия являются предельно общими (абстрактными), в этом смысле она представляет собой теорию, знание в чистом виде. Философия, рассмотренная сама по себе, есть не просто теория, а теория без искажающих примесей, истинность которой несомненна в своей прекрасной очевидности и дается непосредственным созерцанием ума. Стоики, например, потому называли себя космополитами, что такова философская мысль: она ничем в мире (никаким полисом, никаким Александром Великим) не ограничена, кроме самого разума.

Но философия в то же время – это мировоззрение и в этом качестве имеет прямой выход в практику, давая общее направление (сверхцель) сознательной деятельности человека и общества. Будучи практической, она принципиально субъективна, замкнута на конкретных индивидов, стремящихся реализовать свою субъектность в качестве разумных живых людей. Философия всегда персонализирована, обозначается именем того философа, который создал соответствующую философию. Она также социально конкретна, замкнута на то общество, представителями которого, от имени которого и для которого она была создана. В качестве практического феномена философия ограничена конкретной жизнью конкретного субъекта, как возможностями личности самого философа, так и его полиса (общества).

Это двуединое назначение философии – быть началом чистой теории (разумного знания) и быть началом конкретных практик (разумной деятельности людей) создает то свойственное ей внутреннее напряжение, которое разрешается в множестве (плюрализме) ее индивидуальных воплощений. Философия как теория ищет абсолютную (неизменную и завершенную) истину, исток и основание всякого разумного знания. Философская истина светится изнутри и в своей непосредственности универсальна, она ничем не ограничена, кроме разума. Но философия как практика может быть только относительной, так как она всегда конкретна, субъективна, является производением живых разумных индивидов. Философы всегда гоняются за журавлем в небе, но каждый раз в руках у них, увы, оказываются синицы. Именно ориентация на абсолютное знание неизбежно приводит философию к многообразию ее относительных воплощений. Реальный исторический опыт развития философии подтверждает положение диалектического мышления о том, что абсолютная истина есть, но она существует только как гипотетическая сумма относительных истин.

Философия существует во множественном числе, и это не литературщина, это – точная характеристика способа ее бытия. Не существует философии вообще, она всегда является продуктом конкретных личностей – Платона, Аристотеля, Декарта, Сантаяны, Флоренского, Ильенкова и многих-многих других. Можно выразиться так: философия как «философский камень», как та истина, за которой гоняются философы, единственна, но не едина. Философий много: небо одно, но звезд на нем много. Единой философии нет не только потому, что много философов, но и еще потому, что много обществ (культур). Философия всегда является философией определенного общества, выступает в конкретном историческом обличье: европейская философия, китайская философия, философия иных самостоятельно развившихся культур, а сама европейская философия тоже не едина, в ней мы находим качественно различные стадии: античную, средневековую, ново-временную, новейшую (современную), внутри которых существуют свои качественные социально определенные формы. Для характеристики той или иной философии всегда существенна ее историческая (общественная, социальная) определенность. Прав был Рассел, предваряя свою «Историю западной философии» замечанием, что «Философия, начиная с древнейших времен, была не просто делом школ или споров между небольшими группами ученых людей. Она являлась неотъемлемой частью жизни общества»⁸. Современное общество существует в национальных формах, более конкретно,

⁸ Рассел Б. История западной философии. М., 2016. С. 9.

в форме национально определенных государств и это определяет ее историческую субъектность. Национальное измерение философии говорит о том, чьей мыслью, мыслью какого человека и народа она является, чье мировоззрение и понимание жизни она воплощает.

Эти общие соображения о назначении философии имеют прямое отношение к теме нашей панельной дискуссии, к национальной специфике (назначении, природе) философии. Когда философия с общей латыни перешла на национальные языки, она не только захотела стать понятной для своего конкретного народа, но и взяла на себя обязанность быть понятой им, выразить то умственное и нравственное начало, которое делает *эту* общность, *эту* совокупность индивидов (этих французов, этих итальянцев, этих немцев, этих русских и др.) особыми народами, нациями, соединяет их помимо (поверх, наряду) экономических и иных прагматических отношений еще и идейными узами. На нашу долю выпало думать об идее *этих* русских, рассказать миру и дать самим сознание того, кто они (мы) такие и что делает их (нас) одним народом, участвовать в созидании русской философии – словом, ответить на вопрос, кто мы (русские, народы России) суть.

Очевидная особенность возникновения и развития русской философии состоит в том, что она, как мы уже отметили, в силу своеобразия исторической судьбы самого народа самоопределялась в тесном контакте с западной (европейской) мыслью, которая к тому времени уже устоялась в своих специфических формах. И если это обстоятельство невольно наложило на нее печать вторичности, подражательности, то оно же позволило ей найти более соответствующее сути философии соотношение национального и интернационального, а именно, понять, что путь к национальному лежит через интернациональное, что мысль может приращаться только мыслью и национальная идея может загореться отдельной звездой только на общем небе несчетного числа других звезд. Михайло Васильевич Ломоносов, один из претендентов на то, чтобы числиться первым русским философом, предвещал время, когда русская земля сможет рождать «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов». И он, конечно, понимал, своей судьбой и своим творчеством демонстрировал, что для того, чтобы подняться вровень, а тем более, чтобы превзойти Платонов и Ньютонов, надо знать, уважать и ценить их. Другой наш классик, предлагая русской молодежи, с его точки зрения, наилучший из возможных идеалов человеческого общежития, быть может, даже слишком усердствуя в этом, но тем не менее весьма мудро наставлял, что это достижимо только в том случае, если «обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»⁹. Знать и изучать, что делается в мире, и идти своим выстраданным путем – такова наша философская традиция, наши уроки, а не дремучие и фальшивые призы к интеллектуальной полицейщине и духовному изоляционизму. Применительно к нам, нашему академическому исследовательскому Институту философии это означает, что мы тем лучше будем соответствовать нашей традиции и своему назначению, тем лучше будем способствовать ответам на вопрос, что такое русская философия, чем полнее будем

⁹ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. 5-е изд. М., 1981. С. 305.

охватывать (знать, учитывать, отвергать, использовать, спорить и т.д.) предметное богатство философского знания и многообразие его культурно-исторических и национальных форм.

Список литературы

- Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии / Пер. с англ.; общ. ред., послесл. и примеч. А.Ф. Грязнова. М.: Республика, 2000. 318 с.
- Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект: Раритет, 2001. 880 с.
- Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1981. С. 298–318.
- «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева / Предисл. Искандера [А.И. Герцена]. М.: Наука, 1983. 176 с.
- Радлов Э.Л. Очерки истории русской философии. М.: Public Domain, 2008. 150 с.
- Рассел Б. История западной философии / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: АСТ, 2016. 1024 с.
- Соловьев В. Русская идея / Пер. с фр. Г.А. Рачинского. М.: Путь, 1911. 51 с.
- Philosophie der Gegenwart in Einzeldarstellungen von Adorno bis v. Wright / Hrsg. von Y. Nida-Rumeln. Stuttgart: Kroner, 1991. 659 S.

On the identity of Russian philosophy and philosophy in Russia

Abdusalam A. Guseynov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: guseynovck@mail.ru

The main idea of the article is that the concepts of “Russian philosophy” and “philosophy in Russia” are one and the same. The very differentiation of the latter is associated with the peculiarities of the historical development of Russian philosophy, the formation of which coincided with the European turn in the development of the Russian state, carried out in the process of reforms of Peter the Great. This differentiation was justified at the initial stage and lost its meaning with the acquisition of Russian philosophy of its independence by the end of the 19th century, the emergence of the original nationally oriented philosophical teachings in it. It is shown that the specificity of philosophy as a kind of knowledge and at the same time as a form of social consciousness gives rise to the diversity of its specific manifestations, the unique identity of history and theory. It is concluded that the concept of Russian philosophy cannot be reduced to the history of Russian philosophy as a special research direction and academic subject within the subject field of professional philosophy. The question is raised about the specifics of national philosophy as a special kind of the latter.

Keywords: Russian philosophy, philosophy in Russia, Westernizers and Slavophiles, subject of philosophy, national philosophy

For citation: Guseynov, A.A. “O tozhdestve russkoi filosofii i filosofii v Rossii” [On the identity of Russian philosophy and philosophy in Russia], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 3, pp. 5–16. (In Russian)

References

- James, W. *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy] / Russell, B. *Problemy filosofii* [The Problems of Philosophy], trans. into Russian, ed. by A.F. Gryaznov. Moscow: Respublika Publ., 2000. 318 pp. (In Russian)
- Lenin, V.I. "Zadachi soyuzov molodezhi" [The tasks of youth unions], in: V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Vol. 41, 5th ed. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1981, pp. 298–318. (In Russian)
- Nida-Rumeln, Y. (Hg.) *Philosophie der Gegenwart in Einzeldarstellungen von Adorno bis v. Wright*. Stuttgart: Kroner, 1991. 659 S.
- 'O povrezhdenii nraov v Rossii' knyazya M. Shcherbatova i 'Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu' A. Radishcheva ['On the damage of morals in Russia' by Prince M. Shcherbatov and 'Journey from St. Petersburg to Moscow' by A. Radishchev], Introduction by Iskander [A.I. Gertsen]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 176 pp. (In Russian)
- Radlov, E.L. *Ocherki istorii russkoi filosofii* [Essays on the History of Russian Philosophy]. Moscow: Public Domain Publ., 2008. 150 pp. (In Russian)
- Russell, B. *Istoriya zapadnoi filosofii* [A History of Western Philosophy], ed. by V.V. Tselitshev. Moscow: AST Publ., 2016. 1024 pp. (In Russian)
- Solov'ev, V. *Russkaya ideya* [The Russian Idea], trans. by G.A. Rachinskii. Moscow: Put' Publ., 1911. 51 pp. (In Russian)
- Zen'kovskii, V.V. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; Raritet Publ., 2001. 880 pp. (In Russian)